

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Кондурова Вячеслава Евгеньевича на тему: «Политическая теология Карла Шмитта: теоретико-правовое исследование», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Диссертация посвящена важной и актуальной теме. Вероятно, следует с самого начала сделать акцент на международно-правовой тематике. Мы живем в эпоху, когда вопросы международно-правового статуса отдельных территорий и переустройства глобального порядка выходят на повестку дня. Для их осмысления, во всяком случае, так мне кажется со стороны как специалисту по политической философии, не всегда хватает ресурсов. Концепция Шмитта – один из таких ресурсов, но обращаться с ней надо осторожно и умело. Так что уже даже с этой стороны работа получилась своевременная, а если учесть, насколько охотно прибегают к авторитету Шмитта и ссылкам на него все, кто рассуждают о геополитике, актуальность работы только увеличивается. Но, конечно, здесь есть и собственно теоретический аспект, и важность исторических штудий тоже не вызывает сомнений. Диссертант справедливо отмечает бурный рост публикаций о Шмитте в последние годы, в том числе публикации, в которых сделан акцент на целостном представлении концепции Шмитта как таковой, на юридической (либо же политико-юридической) составляющей его взглядов, наконец, и политическая теология как ключ к пониманию Шмитта тоже не оставлена без внимания. И все-таки тот ракурс рассмотрения, который избран в диссертации, является оригинальным. Само по себе это в некоторой степени даже удивительно: ведь Шмитт, собственно, завоевал широкое признание в 20-е годы именно потому, что проект политической теологии был с самого начала заявлен как некая альтернативная общая социология (в которой центральное место занимала социология права). До начала 30-х годов, а точнее, до 1934 г., когда он в предисловии к новому изданию «Политической теологии» заявил, что видит теперь для нее новые случаи подтверждения и новые перспективы, Шмитт не отступал от своего замысла. Другое дело, что после 1935 г., то есть после известного критического выпада в книге Эрика Петерсона о монотеизме, Шмитт не то чтобы перестал работать над политической теологией, но по обстоятельствам места и времени и невозможности продолжения полемики со старым другом он уже никогда больше (даже тогда, когда в «Политической теологии II» и последовавшей полемике с Блюменбергом решился взять заключительное слово в старом споре) не возобновлял притязания на большой проект. И понадобились большие усилия интерпретаторов, чтобы растолковать здесь, что к чему. Теперь мы видим, что многое сделано, но еще больше предстоит сделать.

Диссертант весьма удачно выделяет три ракурса рассмотрения политической теологии, или три тезиса (С.14), усматривая в ней «разновидность социологии юридических понятий; аналогию между понятиями учения о государстве и праве и теологическими понятиями, а также аналогию между метафизической и государственно-правовой картинами мира конкретной эпохи. Автор настаивает на том, что это позволяет избежать вопроса о причинно-следственных связях, то есть не интерпретировать политическую теологию как еще один вид материалистической или идеалистической

социологии знания. При этом обзорная часть его труда обладает большими достоинствами. Собрана большая литература, прослежены определенные тенденции. Мне, правда, представляется, что такой массив разнородного материала вряд ли можно было организовать, а размещение его перед параграфом о политической теологии Шмитта скорее смещает перспективу, чем позволяет лучше понять последнего, но определенные резоны есть и в таком подходе. Правда, не обошлось без казусов. Так, на С. 39 говорится о том, что И. Б. Метц оказал влияние на Карла Барта. Если учесть, что «Послание к Римлянам» Барта вышло в свет до рождения Метца, а первые релевантные труды Метца были напечатаны незадолго до смерти Барта, это может показаться преувеличением.

Впрочем, гораздо больший интерес представляет то, как автор работает с выделенными тремя аспектами политической теологии самого Шмитта. Мне кажется, в целом авторская реконструкция оказалась довольно удачной, возможно, -- но это мой взгляд уже из перспективы истории социологии – замысел Шмитта стал бы более понятен с учетом известной ситуации: первые три главы «Политической теологии» Шмитта были опубликованы в сборнике памяти Макса Вебера и подавались как альтернативная социология. Повторю раз: это альтернативный проект общей социологии и социологии права, который в решающих пунктах спорит с социологией Вебера. Возможно, с учетом этого замысла, и загадочная, как говорит автор, фраза Шмитта о реализме юридических понятий перестала бы казаться столь загадочной. Реализм не просто противостоит номинализму – тут автор прав, -- но и направлен также против формализма и нормативизма. Шмитт использует сжатую формулу, которую приходится расшифровывать, но означает она не только реальное существование общих понятий, но и некоторую область юридического, которая не растворяется в потоке жизни, но и не отделяется от нее как сфера чистых форм и норм. Создать такой язык Шмитт даже и не пытался. Кстати, в этой связи надо отметить, что автор правильно и проницательно отмечает непригодность простого «суждения по аналогии» для понимания тех аналогий, о которых идет речь применительно к политической теологии. Но все дело в том, что здесь нужен более старый концептуальный аппарат, например понятие “*analogia entis*”, с давних пор означающее соответствие между трансцендентностью и имманентностью Бога. Из современников Шмитта об этом написал знаменитую книгу Эрих Пшивара.

Но именно поэтому я не могу полностью согласиться с определением на С. 57 «Таким образом, можно в самом общем виде определить политическую теологию, как она формулируется К. Шмиттом в третьей главе одноименного сочинения, как методологический подход, подразумевающий исторически изменчивое сходство между метафизической (теологической) и государственно-правовой системами понятий.» Это не то чтобы совсем неправильно, но здесь диссертант оказывается, так сказать, ниже уровня собственных успехов. Не только в более поздние периоды (уже начиная с книги о Левиафане и особенно – с брошюры 1950 г. «*Ex captivitate salus*»), но и с самого начала Шмитт не только пишет о методологии, он делает программные высказывания в брошюре о католицизме, в главе о контрреволюции «Политической теологии» и т.д. Это именно позитивная политическая теология, а не вариант методологии. И диссертант вообще-то это прекрасно понимает и делает многочисленные важные оговорки. Поэтому и моя критика носит осторожный характер. Я бы сказал, что невозможно в полной мере доказать «ценностную нейтральность» политической теологии даже в третьей главе, потому что

сама идея ценностной нейтральности, как и сама идея вычленения учения о методе из общей системы воззрений – это неокантианские идеи, без которых невозможна социология Вебера и, вероятно, теория права критикуемого Шмиттом Кельзена. Но для самого Шмитта это не догма, и потому в книге памяти Вебера все обрывается на третьей главе, но полный текст первой «Политической теологии» завершается четвертой главой о реакционных, контрреволюционных теоретиках.

Вообще, должен сказать, что автору совершенно чужда какая бы то ни было наивность. Он в отдельном параграфе рассматривает другие трактовки политической теологии Шмита и старается, критикуя их, показать состоятельность своего подхода. Но тут, пожалуй, я ограничусь следующим аргументом: если бы политическая теология была методом, то ею можно было бы пользоваться как методом. Но никаких примеров такого использования ее в качестве политически нейтрального инструмента мы не находим. Наконец, как мне кажется, материал второго параграфа главы второй отчасти мог бы служить для корректировки рассуждений о методе в главе первой. Именно потому, что Шмитт, как вполне адекватно показывает автор, хочет говорить о действительности права, писать о его рассуждениях 20-х годов так, будто дальше речь не пойдет о сочинениях 30-х годов, не совсем правильно.

Глава вторая в целом является большой удачей автора, реконструкция понятия политического как чрезвычайного выглядит очень убедительной. В самом деле, всякий, кто работает с текстами Шмитта, сталкивается с этой проблемой: если убрать чрезвычайное, ситуацию решения о друге и враге, то где же тогда обычная политическая жизнь с ее борьбой партий, конкуренцией лидеров и тому подобным? А если, как это делал Шмитт после войны, упрекать критиков за то, что они не увидели исторически конкретный характер государства, о котором идет речь, то дело не улучшится. Ведь государство, которое стало таким огромным достижением новоевропейской трансформации, по Шмитту, отделило внутреннее от внешнего и оставило войну, то есть подлинную политику, за пределами государства. Шмиттовская концепция, таким образом, это не либерализм в превращенной форме, каким его видел, например, Д. Белл, но вывернутый наизнанку республиканизм. Однако если республиканизм предполагает активное участие граждан в политике, у Шмитта они лишь мобилизуются для внешней политики. Но тогда откуда берется политическое как экзистенциальное противостояние, точнее, сплочение в противостоянии, если государство не все время ведет войны? И не оказывается ли тогда ожидание войны (практически, по Гоббсу) равно самой войне с ее мобилизацией? Во всяком случае, это более похоже на суть замысла Шмитта, чем его же разъяснения насчет «вторичных политических различий» в парламентских системах. Соглашаясь с автором (см. С. 82 и далее) в его желании развести нормальность права и неправовую реальность политического как чрезвычайного, я все же хотел бы внести здесь одно важное уточнение. В некоторых случаях изложение у автора выглядит так, как будто противоположность нормального и чрезвычайного абсолютна в том смысле, что при чрезвычайном положении исчезает всякое право. Мне кажется, это не так. Собственно, Шмитт начинает свою работу над проблемой с лекции о праве осадного положения. Это потом развито в концепцию двух видов диктатуры. Так вот, диктатура комиссарская и вводится по праву, и отменяется по праву, но самое главное: она вообще не предполагает на время действия отмену тотальности права. Полная отмена – и полное чрезвычайное

положение, которое наступает при суверенной диктатуре – это действительно момент и место порождения права и – как раз поэтому – отсутствия права в ситуации противостояния. Но отмена некоторой части конституционных прав и свобод при сохранении других не означают полного отсутствия нормальности. Я также не полностью уверен в том, что понимание Шмиттом тотального государства можно подробно характеризовать на основе работ самого конца Веймарской республики и более чем кратко – на основании сочинений первых лет нацизма. Дело в том, что помимо сугубо конъюнктурной составляющей, в них был и теоретический аспект. Шмитт пытался как раз вернуть в государство политическое, точнее, не в государство, а в политическое единство, причем государство оказывалось его относительно нейтральным аспектом, тем, что работает как машина, несмотря ни на что. Это не должно нас заставить полностью отказаться от предложенной диссертантом интерпретации, но это важный момент.

Интересным представляется мне и замысел представить суверена как катехона. Здесь можно найти доводы «за» или «против», но это большой вклад в дискуссии, это несомненно стоит поставить в заслугу диссертанту. Возможно, здесь не хватает лишь небольших уточнений. Катехон задерживает приход Антихриста, суверен как катехон всякий раз удерживает государство от краха. Это не совсем одно и то же, хотя операциональная пригодность такого рассуждения несомненна. И все же мне ближе то место на С. 187, где автор пишет о непригодности прямой аналогии политико-теологического и юридического. Это верно не только в части международного права, но и применительно к понятию государственного суверенитета.

Параграф третий той же главы представляется мне в некотором роде шедевром юридической учености. Можно смело утверждать, что ни в нашей, ни в новейшей мировой литературе, включая известную работу Ноймана, нет ничего сопоставимого. Возможно, это слишком сильное утверждение, в ФРГ в 60-е годы в особенности старались «расправиться» со Шмиттом как юристом. Однако мне представляется, что даже заслуженно прогремевшие в свое время труды Ингеборг Маус и Хассо Хоффмана не были столь подробными и отличались критической тенденциозностью. Возможно в структуре всей диссертации этому исследованию немного не хватает интерфейсов, связок с предшествующими и последующими рассуждениями, однако можно предположить, что это потребовало бы существенного увеличения объема работы.

Отчасти то же самое можно сказать и об исследовании международного права в концепции Шмитта. Автор и здесь проявляет незаурядную эрудицию и, что мне особенно нравится, очень глубокое знание источников. Работы Шмитта часто выходили несколькими изданиями, бывало так, что одно название сохранялось за разными сочинениями. И поэтому очень важно отслеживать версии, между которыми могли быть различия. Это касается и «Понятия политического», и «Ключевого вопроса Лиги наций», в общем, автор на высоте. Снова скажу, что попыток такого масштаба представить международно-правовую концепцию Шмитта не было. Немало исследований, в которых освещается тот или иной аспект этой концепции, а вот такой детализированной реконструкции, особенно более ранних сочинений Шмитта по международному праву, я не знаю. Если чего-то здесь и не хватает, так это более жесткой исторической привязки теории к реальности. Шмитт о Лиге Наций писал из побежденной Германии, причем Германию не взяли в Лигу Наций, а диктовали ей правила от имени международного

права. Между тем, к этому времени существовала традиция международного права, нашедшая свое выражение в документах Гаагских конференций, международных договорах и институтах. Существовали учебники, которые продолжали использоваться во всем мире, согласно которым это право распространялось на все цивилизованные народы, в число которых входила и Германия, так что диктат от имени победителей там воспринимался особенно болезненно. Конечно, я не требую от автора, чтобы он сравнил между собой английский учебник по международному праву Брайерли и немецкий учебник Листа. Это все увело бы слишком далеко, хотя, заметим, читать Шмитта, не читая Трипеля, не всегда правильно. Но здесь речь о другом. И международная, и национальная немецкая традиции трактовки международного права существовали, но вместе с крахом европейской культуры как единства во время Первой мировой войны рухнуло и разделяемое цивилизованными народами международное право. Это было толчком для Шмитта, который не проявлял сначала большого интереса к международному праву. Написать об этом именно в этом месте диссертации было бы правильно. Здесь можно было бы брать пример с М. Коскенниemi, на которого автор неоднократно ссылается. Впрочем, и выбранный автором композиционный прием, когда он вплетает исследование Шмитта в оппозицию взглядов, представленных Хаскеллом и Орфорд, тоже выглядит очень достойно, потому что позволяет сразу актуализировать рассуждения применительно к современной проблематике глобального порядка. Я бы считал, что это можно развить в сторону международно-правовой проблематики конституционализма, но это пожелание совершенно не означает критики диссертации. Как раз наоборот: мы снова видим, что это полноценное исследование, которое будит мысль буквально каждым завершённым фрагментом, каждым положением и рассуждением.

Другое дело, что кроме логики изложения, есть и логика предмета. И автору, который, кажется, уже шагнул в мир современных интерпретаций глобального порядка, снова приходится уходить в историю, снова цитировать статьи Шмитта о Лиге Наций, чтобы перейти к анализу работы о больших пространствах. Вот тут я еще раз хотел бы акцентировать историческую конкретность Шмитта. Странно выглядит, когда диссертанту приходится цитировать современных авторов, повторяющих старый тезис о том, что Шмитт – апологет немецкой агрессии, и не реконструировать хотя бы вкратце саму историю. Очень важно напоминать о том, что Германия то не входила в Лигу Наций, то входила, то снова была исключена, и никакого надежного правопорядка к тому времени, когда Шмитт стал писать о больших пространствах, уже не было именно в эпоху Лиги Наций, не до и не после. Разумеется, по итогам Второй мировой войны зафиксирован главный виновник, это агрессивный авантюризм нацистов. Однако в рамках надежного и справедливого миропорядка у него бы не было шансов. И это не вопрос оценочных суждений.

Даже если соглашаться с самыми суровыми критиками Шмитта, надо понимать, за что они его критикуют и в каких условиях он писал. В целом же я согласен с диссертантом: «Соответственно, мы имеем дело с двумя видами или пластами международного права: опосредующего отношения между публичными субъектами, входящими в общность, обладающую принципом легитимности, и между публичными субъектами, которые в такую общность не входят. И если в первом случае общий международный порядок обладает ясным основанием действительности (поскольку у него

есть конкретный принцип легитимности), то во втором – нахождение такового вызывает проблемы.» (С. 170). Судя по всему, «действительность» здесь – это «Geltung», значимость, в таком прочтении это вообще очень тонкое и релевантное представление положения дел.

Это относится, разумеется, и к послевоенным сочинениям Шмитта. Работа о номосе земли, как и позднейшие рассуждения о напряжении между Востоком и Западом не до конца понятны, если не учитывать, что поражение Германии и обретение западными немцами нового патрона в лице бывшего врага (США) вынудило Шмитта к переосмыслению многих прежних взглядов. В общем, я бы считал акцентирование дисконтинуальности в рассуждениях Шмитта более правильным, чем представление его концепции как царства чистой мысли, все изменения в котором происходят лишь в силу автономной логики идей. Впрочем, у любого подхода есть свои достоинства и издержки.

В данном случае к достоинствам я бы отнес еще стремление автора сформулировать пространственный принцип в организации права, это вообще одно из существенных достижений диссертации, и я могу лишь поддержать автора в его принципиальных установках. Чего мне здесь не хватает, так это очень точного, социологически точного рассуждения Шмитта в «Номосе земли» о том, какие именно личные связи позволяли удерживать оберегаемое пространство войны в новоевропейском порядке. Иначе говоря, там, где автор уповает на плюрализм права как на то, что удерживает, я, как социолог, считал бы продуктивным поиск тех элитных групп, которые могли бы договариваться между собой на языке права. Кажется, в наши дни это довольно актуальная задача.

Диссертация в целом написана очень хорошо, чистым литературным языком, опечаток и ошибок удивительно мало для текста такой сложности и объема. Укажу только несколько спорных мест.

Так, на с. 61 «Bereich des Profanen» переводится как «область профанов». Это неправильно. Правильно: область профанного. На с. 62 «заняли позиции, до то момента занимаемые теологами» -- здесь либо опечатка (надо: до того момента), либо, вполне по-русски, просто «до того занимаемые». Это тем более обидные опечатки, что автор перевел очень важное место, снабдив его ценными примечаниями и толкованиями, это – хотя речь идет лишь о переводе небольшой части цитат – само по себе может и должно считаться научным вкладом.

На с. 63 автор перепутал имя и фамилию цитируемого ученого. К. Буркхардт на самом деле Буркхардт Конрад, то есть Конрад по фамилии и Буркхардт по имени.

На с. 122 в переводе цитаты из Меринга *Setzung* переводится как «следствие» (««...право – это следствие (*Setzung*) норм, [примененных] в конкретном случае судьей»). Это ошибка. *Setzung* – это *полагание*, отсюда и *Gesetz* – *закон*. Это надо учесть на будущее.

Однако все это мелочи, не меняющие сути дела.

Я очень высоко оцениваю диссертацию, это глубокое, оригинальное и серьезное научное исследование.

Диссертация Кондурова Вячеслава Евгеньевича на тему: «Политическая теология Карла Шмитта: теоретико-правовое исследование» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Кондуров Вячеслав Евгеньевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета Филиппов Александр Фридрихович

Доктор социологических наук
старший научный сотрудник
профессор Школы философии и культурологии
Факультета гуманитарных наук
Национального Исследовательского Университета
«Высшая школа экономики»

06.06.2022

